

НАТАЛЬЯ ДЫМ

МАРТОВСКАЯ не-СКАЗКА

Город N-ск, его обитатели и гости

Наталья Дым

Мартовская не-сказка

«Автор»

2024

Дым Н. М.

Мартовская не-сказка / Н. М. Дым — «Автор», 2024 — (Город N-ск, его обитатели и гости)

Старое, ещё 1924 года, старательно позабытое дело вдруг само собой всплыло в памяти старшего оперуполномоченного Дениса Ожарова. А всё младшие товарищи: Расскажи да Расскажи. Рассказать – не рассказал, молоды ещё – не поймут, но вспомнил. О пропаже маленького мальчика и его сестре, девушке с удивительными прозрачными глазами, о так и не раскрытом убийстве, о сухоруком парне... И в очередной раз подумалось: насколько странна наша жизнь, где тут чёрное, где белое, а где – красное, и не разберёшь сразу. И всё не так, как ты видишь в начале.

© Дым Н. М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Дым

Мартовская не-сказка

Пролог

– А всё-таки, какое у вас, Денис Савельевич, было самое трудное дело?

– И интересное! Расскажи, Денис Савельевич!

Денис вздрогнул, поднял голову от записной книжки и наткнулся на две пары горящих глаз. Он вздохнул и покачал головой: ну ладно Владлен – он новенький, а Митька-то уж про все его дела слышал, и не раз. Если не от самого Дениса, так от Петровича или Егора. А вот поди ж ты...

– Все дела трудные, если они к нам попали, – проворчал Денис, чтобы отвязаться от настырных парней, – мы, знаете ли, не кражи простыней с чердака расследуем.

Потом подумал немного и мстительно добавил (а нечего, потому что, старшего оперуполномоченного от важных дел отвлекать!):

– А если кому-то тут заняться нечем и пришла охота истории послушать, так в субботу у нас в красном уголке лектор будет выступать. О международном положении и роли пролетариата в мировой истории расскажет, вам точно интересно будет. В семь часов вечера начало лекции. Я запишу вас обоих.

Он посмотрел на вытянувшиеся лица парней и с трудом сдержал смех. Эта суббота как раз выпадала на выходной день. И в семь вечера – начало сеанса фильма в фабричном клубе, а потом – танцульки под патефон для всех желающих. А Владлен и Митька – всегда в первых рядах на таких мероприятиях. А как же? На фабрике три четверти работающих – женщины, среди которых очень много симпатичных девчат. А тут два таких кавалера зазря пропадают...

Парни переглянулись и дружно встали. Митька, как более опытный сотрудник уголовного розыска, торжественно объявил, преданно глядя на Дениса:

– Денис Савельевич, мы это... Свидетелей пошли опрашивать. Да. Дело – выше головы!

Денис не успел рта раскрыть, чтобы уточнить, по какому это конкретно делу они собрались свидетелей опрашивать, как парни похватили с вешалки свои пальто и исчезли за дверью.

Денис усмехнулся им вслед и снова склонился над своими записями, но мысли сами собой унеслись в далёкий одна тысяча девятьсот двадцать четвёртый год.

Да, про все дела слышал Митька. Кроме одного. Да и сам Денис спрятал воспоминания о тех днях в самый дальний закуток в чулане своей памяти. Не вспоминал, заставил себя забыть... Но именно сейчас, после вопроса неугомонного Владлена, они всплыли в памяти...

Дело десятилетней давности, а вспомнил он его сейчас, как будто всё произошло вчера.

Глава 1

Денис уже год как вернулся домой, в N-ск.

Хотя... Какой же тут у него дом? Матери он почти не помнил, она умерла, когда ему и пяти лет не минуло, а отца у него не было. Во всяком случае, Денис его не знал.

Родственники, которые его растили со дня смерти матери и до его поступления в университет, сгинули в огне Гражданской войны. Впрочем, Денис не слишком переживал об их судьбе. Не были они никогда его семьёй, а их дом так и не стал для Дениса родным.

По большому счёту Денис толком и не знал, кем ему приходились вечно хмурые и всем недовольные женщина и мужчина, в доме которых он жил.

Но ведь надо было куда-то возвращаться. Вот он и вернулся. Домой. В N-ск.

Чем он будет заниматься в мирной жизни – вопроса не стояло.

Для красного командира, да еще с пусть и не окончанным, но все же университетским образованием, прямая дорога – в народную милицию. К тому же если этот командир вполне себе пролетарского происхождения.

К тому же милиционерам было положена койка в общежитии, а это было для Дениса более чем актуально.

Бои почти не затронули N-ск, вихрем пронеслись над головой его жителей, отгремели где-то в стороне, но революция и гражданская война всколыхнули N-ское стоячее болото. Пожары, погромы, разруха... Эта чаша город не миновала.

И так получилось, что дома, в котором жил раньше Денис, просто больше не существовало. А может, оно и к лучшему? Новая жизнь, новый дом. И пусть пока это всего лишь койка в милицейском общежитии.

Милиция – это тот же фронт, передний край. Только воевать он теперь станет не с белогвардейцами, не с офицерами, а с ворами и убийцами. И не известно ещё, от кого молодой Советской Республике вреда больше. От явного врага или скрытого.

Правда, в самой милиции он надолго не задержался. Сам даже не понял, как оказался в уголовном розыске в должности агента. Да, тогда, в двадцать четвёртом году, уголовный розыск существовал сам по себе, от милиции отдельно. Можно сказать, параллельно с ней.

Тяжёлое время было, но шальное и весёлое, как и сам Денис, которому тогда исполнилось всего ничего – двадцать четыре года. Ровесник века.

Это было не первое его дело: успел уже и на облавах побывать, и допросы ему доверяли проводить самостоятельно. Потому что знали – Ожаров не только ножа и кастета не боится, но и на подначки воров и бандитов спокойно реагирует. Да что там! Прожжённые марухи не могли его смутить своими издёвками и заводками.

А потому что – всякого Денис навидался во время Гражданской, не зелёный пацан какой-нибудь... Смерти в лицо заглядывал не раз.

Да, мнил он тогда себя матёрым розыскником. Не только ловким и умелым, не только политически подкованным, но и неплохим специалистом в теории. Не зря же закончил курсы по судебной медицине и криминалистике.

Поэтому ехал он на вызов в бывший Костоправный переулок, а ныне – на улицу Пролетарскую с лёгким чувством пренебрежения ко всем гражданским и немощным.

Думалось ему как-то так: «Вот опять вас, сирых и убогих кто-то обидел. Или сами грязные полотенца на общей кухне не поделили. А мне бросай все важные дела и езжай разбирайся с вашими мелкобуржуазными дрызгами».

Было у него какое-то усталое высокомерие в душе и голове, наигранное, пустое и глупое. Но это Денис понял гораздо позже. А тогда, ранней весной одна тысяча девятьсот двадцать

четвёртого года, он трясся в служебном стареньком «форде» и жутко гордился собой и своей ответственной работой.

Он и в квартиру на втором этаже зашёл, молодцевато поскрипывая офицерской портупеей, которую носил с особым форсом. Как-никак – военный трофей, лично снял с пленного белогвардейца.

Но за крашеной дверью с латунными ручками в лицо Денису пахнуло тревогой, ожиданием беды. И это чувство было настолько осязаемым, что он невольно подобрался. Стало неуютно и как-то очень паршиво на душе. Он ещё не знал, что произошло в этой явно непролетарской квартире, но уже чувствовал – тут случилось что-то очень нехорошее.

Денис нахмурился и огляделся по сторонам. Эта привычка осталась у него с фронта и уже не раз пригодилась в службе уголовного розыска. Прежде чем вдаваться в суть проблемы – надо оценить обстановку. Мелочи иногда скажут больше, чем само происшествие. Свидетелям и потерпевшим верить можно далеко не всегда, а вот на подмеченные собственными глазами мелочи можно положиться абсолютно.

Через полуоткрытую дверь Денис заметил неубранную постель, серую и какую-то неопрятную. И женскую щётку для волос на подоконнике, с застрявшими в ней тёмными длинными волосками, и тюбик губной помады рядом. Но при этом – в комнате было чисто. Насколько это возможно в доме, где жили дети. А что тут жили дети – сомнений не возникало.

Вон, под столом выстроились ровными рядами оловянные солдатики, готовые хоть сейчас в бой, а за шкафом – красно-синий каучуковый мяч. Плюшевый мишка в зелёной рубашке, подпоясанный настоящим армейским ремнём, не иначе – главнокомандующий у солдатиков, гордо восседал на маленьком детском стуле. Из кубиков – построены башни, наверное – город, который защищают оловянные солдаты, или, наоборот, на который вот-вот нападут.

На подоконнике несколько книг в ярких обложках. Кажется, сказки Пушкина и Майн Рид. «Всадник без головы». Старые издания, ещё с «ятами». У Дениса у самого такие в детстве были, читаны-перечитаны.

Вперёд шагнул молодой, не старше самого Дениса, лопоухий и розовощёкий милиционер. Вскинул руку к фуражке и чуть смущённо отрапортовал:

– Участковый инспектор Павел Спиридонов!

Денис козырнул в ответ и тоже представился:

– Агент уголовного розыска Денис Ожаров, что тут у вас произошло?

Но ответить Спиридонов не успел, откуда-то сбоку раздался громкий женский голос с визгливыми истеричными нотками:

– Вот наконец-то и наша доблестная милиция прибыла!

Денис медленно повернул голову, напоследок краем глаза зацепив явно дореволюционный шарф тонкой вязки нежного сиреневого цвета.

В мягком плюшевом кресле сгорбившись сидел мужчина, возраст которого определить было сложно: лицо он спрятал в раскрытых ладонях. Но сначала Денис увидел не его.

Опершись на высокую спинку кресла и подперев рукой крутой бок, стояла молодая женщина. Она была безусловно очень красива, но той яркой, цыганской красотой, к которой хозяйке ее, чтобы не быть вульгарной, требовались хороший вкус и чувство меры.

А вот вкуса-то женщине явно не хватало. Всё в ней было чрезмерно. Грудь, слишком обтянутая бордовым шерстяным платьем, аляповатая шаль в павлиньих, полные губы, подведённые красной помадой. И глаза, чёрные как маслины и очень быстрые, в глубине которых Денис приметил страх и беспокойство, несмотря на весь самоуверенный вид женщины.

«Да, сиреневый шарфик явно не твой» – в голове мелькнула ненужная вроде бы мысль, но отгонять её Денис не стал: авось пригодится.

Денис сухо кивнул женщине и перевёл взгляд на участкового инспектора. Тот смущённо кашлянул и негромко доложил:

– Мальчик у них пропал. Сын. Десяти лет от роду. А сами они – доктор Бурханов и его супруга, значит.

Денис удивлённо и немного сердито буркнул:

– А почему вызвали нас? Розыском детей мы не занимаемся.

Спиридонов ещё больше смутился и зачастил, оправдываясь и глотая слова:

– Так это... Нянька с ним пропала, сестра его старшая. А в спальне тряпки окровавленные нашли. И на лестнице чёрного хода – следы волочения. Будто кто мешок с картошкой тащил. Вот я и решил опергруппу вызвать.

И виновато потупившись, добавил:

– Опыта у меня покамест маловато... Одному не разобраться.

Денис задумчиво почесал затылок и быстро глянул на товарищей. Сегодня в опергруппе он был за старшего. Петрович, опытный агент, работающий в розыске ещё с царских времён, но верный и надёжный товарищ, как на грех третьего дня промочил на задержании ноги и слёг с сильнейшей простудой.

Сегодня, можно сказать, первый самостоятельный выезд Дениса, а тут глупость какая-то... Но при этом он чувствовал: что-то тут нечисто, подвох какой-то есть. Не похоже это на простую шалость избалованных детей.

Но решение принимать ему, Денису. Вон как все на него смотрят выжидательно. Даже цыганского вида гражданка примолкла, не сводя с Дениса взгляда насторожённых глаз. Явно ожидая, что скажет рыжий мосластый милиционер, в сторону которого она отпустила шпильку.

И Денис – решил. Кивнув Спиридонову, он негромко бросил:

– Ну, раз приехали – будем разбираться.

Тот сразу приободрился и облегчённо выдохнул.

Мужчина, сидевший в кресле до этого момента молча, поднял вдруг голову и жалобно простонал, обращаясь к цыганистой гражданке:

– Мусенька, они ведь просто гуляют... Правда?

Цыганистая гражданка погладила его по голове и с неожиданной теплотой и нежностью сказала:

– Конечно, Антоша...

Потом повернулась к милиционерам, как-то быстро облизала губы и пояснила, чуть понизив голос:

– Лизонька и Сашенька всегда гуляют... Птичек в парке кормят. Бывает, после прогулки к Катарине Матеушовне заходят. Это бывшая гувернантка ихняя...

На слове «ихняя» доктор Бурханов вздрогнул и тихо, но внятно прошипел сквозь зубы:

– «Их». Маруся, «их» гувернантка.

Денис покачал головой: дети пропали, а папаша своей «Мусеньке» уроки грамотности преподаёт. Кстати, а как давно нет детей? И вообще, раз он тут, то надо собрать хоть какую-то информацию. Кто, в конце концов, вызвал участкового? Почему решили, что дети пропали? Сколько детям лет? Ну, Сашеньке, понятно – десять. А Лизоньке? Кто эта Мусенька? Мать? Тётка? Мачеха? Или старшая сестра?

Денис пригляделся к «Мусеньке» и «Антоше». Нет, пожалуй, на старшую сестру десятилетнего Саши она всё же не тянет. Она, конечно, младше «Антошеньки», но уже не юная девушка. Вон, в уголках глаз «гусиные лапки», да и вокруг губ тоже. Молодится, как может, но довольно неумело. Женскими уловками в виде помад и кремов пользуется по принципу «чем больше – тем лучше». И из-за толстого слоя пудры кажется ещё старше своих лет.

Впрочем, чего гадать на кофейной гуще? Денис повернулся к участковому и негромко скомандовал:

– Боец, доложи обстановку. Быстро и по делу. Основные факты.

После чёткой команды Спиридонов подобрался, перестал краснеть и мямлить, а чётко и толково изложил суть.

Антон Павлович Бурханов оказался врачом (Денис усмехнулся про себя: прямо-таки почти Чехов!). Так что даже после революции и Гражданской был достаточно востребован. Его не трогали, потому что врачом он оказался очень неплохим и пользовал почти всё новое советское начальство города.

К тому же совсем недавно доктор-почти-Чехов сделал ход конём: после года вдовства женился на своей бывшей горничной, Марии Фёдоровне Берёзкиной, в домашнем обиходе именуемой Марусей или Мусей. С ней совместных детей не прижил, а вот прежней супруги имелось у него три сына и дочь Лизонька.

Где самый старший сын, никто толком не знал. Поговаривали, что во время Гражданской он воевал в Белой армии, но Антон Павлович эти слухи опровергал со всей горячностью своей докторской души. Впрочем, даже если и воевал сынок за белых, то сейчас в родительском доме отсутствовал и о его судьбе родители ничего не знали. Или, во всяком случае, так говорил.

Второй сын пошёл по отцовским стопам, но окончить медицинский университет ещё не успел. Практиковался у отца. Но сейчас тоже с родителем не проживал. Сразу после отцовской свадьбы уехал в Москву, где, по слухам, жила его бабка по матери, бывшая графиня Игнатьева. Вроде даже экстерном университетские экзамены сдал, но Спиридонов точно этого не знал.

Дочь Лизонька семнадцати и сынок Сашенька десяти лет проживали здесь, с отцом и Мусей. Жили они тихо, дружбы особой ни с кем не водили. Только Лизонька и Сашенька время от времени навешали свою гувернантку, Катарину Матеушовну Кобину, польку по происхождению. Да ещё ходил к Лизоньке сын дворника, Гордей сухорукий. Грамоте учиться. Читать и писать.

Денис уточнил:

– Сухорукий – это фамилия?

– Не... – помотал головой Спиридонов, – сухорукий – это потому, что рука одна у него сухая. Повредил он жилу в детстве, вот у него одна рука и нерабочая теперь. Левая. Но он – ничего. Не унывает. Приспособился одной рукой управляться. Вот с ихней дочкой, Лизонькой, очень сдружился. Как собачонка за ней везде бегал...

Денис сдержал порыв поправить парня. Не хотелось ему на статью Антона Павловича наводить. Ихней, так пусть будет – ихней!

Денис задумался. Какая-то прямо классическая сказка выходит. Злая мачеха, которая вон за деток не сильно-то и переживает, извела сироток. Да ещё и хозяин семейства – врач. Отравили на пару с Мусенькой старую жену, и все дела.

– Давно дети ушли?

– Да с утра самого. – Спиридонов подумал и уточнил, – Мачеха сказала, что сразу после завтрака. Часов в десять утра.

Денис глянул на часы, висевшие на стене. Времени было – семь часов вечера.

Он покачал головой. Дети не обедали, на улице хоть и весна, но к вечеру подмораживает совсем по-зимнему. Но с учётом, что сестре с братом есть куда пойти... Может, это обычное дело в этой семье? Девочка взрослая. Да и не девочка уже – девушка... С мачехой плохо ладят, вот и сидит у своей гувернантки.

– А что про кровь в спальне хозяева говорят?

– Папаша ихний...

Денис непроизвольно дёрнулся и тут же усмехнулся про себя: никогда он до сих пор на это слово так не реагировал, контингент, с которым приходилось обращаться по долгу службы, не в салонах обретался.

– ...Говорит, что пациент был, пришлось кровь пускать.

Денис удивлённо хмыкнул:

– А что, он пациентов в спальне принимает, а не в кабинете?

– Ну, – Спиридонов пожал плечами, – говорит, там батарею прорвало... – и добавил с укоризной в голосе: – Вот не доверяю я этим новомодным штукам! Нет бы по старинке топились печками, а навывдумывали – паровых котлов в подвале ставить. Чай, дом – не пароход, чтобы, значит, паром отапливать.

Денис рассеянно кивнул. Вообще-то в N-ске ещё при царском режиме половина доходных домов на котлы перешло, но участковый, видимо, недавно из деревни, ему в диковинку.

– А кто в милицию-то сообщил о пропаже детей? – Денис на всякий случай заглянул в тот кабинет. Под батареями действительно стоял таз с грязными тряпками, и пол весь затоптан, повсюду следы от сапог, явно не принадлежащих хозяину.

– Так водопроводчик и вызвал. – Участковый не отходил от Дениса ни на шаг, заглядывая тому через плечо. – Подозрительно ему показалось, что деток дома нет. Ну и вообще, – участковый немного помялся и закончил, – не любят местные жители Марию, жену ихнюю. Говорят, змеюка, окрутила дохтура, а теперь деток извести хочет, чтобы единолично тут властвовать. Особенно Лизоньку не любила.

Денис вздохнул, но поправлять участкового инспектора снова не стал.

Он повернулся к опергруппе и скомандовал:

– Так, Игнат и Пётр, с участковым чёрную лестницу осмотрите.

И третьему агенту:

– Валентин, а ты по квартирам пройдишь, может, кто чего интересного скажет. А я с хозяевами пока побеседую...

Но Антон Павлович и Мария Фёдоровна ничего нового Денису не сообщили.

На вопрос, почему они так долго не спохватились детей, Мусенька (ну, не получалось у Дениса её Марией Фёдоровной называть, для протокола – оно понятно, а вот про себя так и звал – Мусенька; эта кошачья кличка хозяйке дома удивительным образом шла) беспечно махнула рукой:

– Лиза постоянно Сашеньку из дома тащила. У Антоши... Антона Павловича, – поправились она под строгим взглядом Дениса, – пациенты разные, целый день приём ведётся. Постоянно люди в квартире посторонние. Я Антону Павловичу помогаю, ассистент-то у него есть, конечно, но ещё одни руки не лишние. А детской-то у нас теперь и нет, уплотнение. Отдали комнату новым жильцам, они пока не заехали, но детскую мы уже освободили. Теперь детки под ногами мешаются...

Она быстро и как-то испуганно глянула на Дениса и поспешно затараторила:

– Нет, мы не жалуемся, у нас и так места много. У Антон Павловича кабинет остался, наша спальня, спальня детей. Да вот ещё столовая... Людей-то много теперь в городе, им жить где-то надо! Мы же что, мы – ничего! Мы – с понятием.

Денис отмахнулся – сейчас ему не до политических взглядов хозяев и последних директив правительства:

– Давайте про детей, про уплотнение потом.

– Так я и говорю, – Мусенька явно успокоилась и кокетливо заправила чёрный упругий локон за ухо, – Лизка постоянно у гувернантки паслась... И брата с собой таскала.

– Что, и обедали дети там? – Денис строго глянул на Мусеньку: времена сейчас нелёгкие, голодные. Откуда у бывшей гувернантки средства, чтобы чужих детей кормить?

– Вы не подумайте, товарищ милиционер, – Мусенька снова заволновалась, – Антоша... Антон Павлович, этой польке и денег давал, и продовольствие возил. Чтобы она Лизку и Сашеньку кормила и привечала!

Денис отметил, что Мусенька вот уже второй раз назвала падчерицу Лизкой, а вот пасынка зовёт Сашенькой... Правы соседи: мачеха не ладила с девочкой? Ревность? Возможно, Лиза похожа на покойницу мать...

– Денис! Денис Савельевич! Ожаров! – Денис повернулся к двери, где через несколько секунд появился запыхавшийся Спиридонов, – Мы там нашли... Кажется... Вам посмотреть надо!

Денис поспешно поднялся и почти бегом бросился за участковым инспектором к чёрной лестнице.

Глава 2

Денис быстро спускался по тёмной, загаженной лестнице, невольно морщась от стойкого запаха тухлятины. Кажется, сюда весь дом скидывал помои, а кто-то из жильцов ещё и испражнялся.

Вот этого Денис понять не мог. Никак.

Невольно вспомнилась Гражданская война. Многому она его научила, имелся даже такой опыт, что и не всякому расскажешь. Не поймут, а то и засмеют.

Денис не знал, как дело обстояло в других частях Красной Армии, но командир, под началом которого Денис Ожаров воевал первые месяцы, Александр Генрихович, даже такое мероприятие, как поход в уборную, организовывал с поистине немецкой педантичностью. Как шутили бойцы: «Не зря же наш командир – Генрихович. Есть в нём прусская кровь. Как есть – есть!»

Как только часть располагалась на позиции, солдаты по приказу Александра Генриховича рыли ров под отхожее место, вкапывали для удобства столбики с шкурённой жердью, а рядом – непременно часовой. Особенно если линия фронта рядом.

Первый раз, увидев такое, Денис рассмеялся. Зачем человека, который по нужде пошёл, охранять?

Александр Генрихович блеснул на него стёклышками очков и серьёзно ответил:

– А потому, Денис Савельевич, что фронт – рядом. А в такой интимный момент человек беззащитен как дитя. Бери его тёпленьким и тащи за линию фронта как «языка».

Денис потом уже, когда сам командиром стал, на вооружение опыт Александра Генриховича взял. Тут ведь двойная польза. И дисциплинирует людей такой момент, и в окопах бойцы не гадят – там ведь не одни сутки приходилось проводить.

А тут – гражданская жизнь, люди тут постоянно обитают. Дом. Дети играют. Парни девушек провожают. Может, даже целуются где-то тут на чёрной лестнице, в укромных уголках... А тут такая дрянь и мерзость! Ну как так можно?! Пакостить там, где живёшь?!

Но все эти мысли пролетали у него фоном, сейчас он был сосредоточен совсем на другом, хотя неприятные запахи отвлекали, мешали сосредоточиться на главном.

В самом низу, там, где располагалась дверь в подвал, столпились его оперативники и ещё несколько жильцов, и мужчин, и женщин. Один из присутствующих, судя по всему, был местным дворником. В руках он держал горящий шахтёрский фонарь. Рядом с ним топтался хмурый худой парень лет девятнадцати с рукой, неестественно согнутой в локте.

«Это что, и есть сын дворника, которого Лизонька учила читать?!» – Денис с удивлением разглядывал парня в добротной ватной куртке, явно армейской и, судя по качеству материала, принадлежавшей когда-то офицеру. Скорее всего – выменянной на рынке.

Почему-то по рассказу участкового Денис решил, что сын дворника – совсем мальчишка. А этот парень с угрюмым, но цепким взглядом с мысленной картинкой совсем не вязался. Представить, что такой детина собачонкой бегаёт за семнадцатилетней барышней, сложно. Ну, если только не с определённой целью – тогда вполне может быть...

– Вот, товарищ начальник милиции! – мужик, про которого Денис решил, что он и есть дворник, бросился ему навстречу, потрясая ключами. – Вот, кто-то замок-то на клетушке сменил! А там у нас всякий скарб, да жёнка моя варенье хранит... Мы и заперли, чтобы, значит, никто не залез. А сейчас пошёл с вашими молодцами, подвал им показать, глядь, а на клетушке – не мой замок!

– Ну, чего? Ломаем, Денис Савельевич? – Игнат Сидоров говорил со всем почтением, но Денис явственно слышал в его голосе язвительные нотки. Вот ведь... Непременно теперь рас-

трезвонят они с Петькой Мироновым по всему отделению, что Ожарова дворник в начальники милиции произвёл. Теперь насмешек не избежать... Замучают подколками.

Денис тяжело вздохнул, предчувствуя весёленькую недельку. Ну, пока все не забудут про «начальника милиции» или новый объект для шуточек не найдут.

Пока же лучше сделать вид, что не заметил насмешек, чтобы ещё хуже не сделать. Да и не до этого сейчас.

Кивнул:

– Ломаем.

Дворник запричитал рядом:

– Да как же ломаем?! Там у меня варенье жёнка хранит...

– Так ты туда всё равно не попадёшь, отец, без ключа-то... – участковый Спиридонов сочувственно похлопал дворника по плечу.

– Не бойсь, служивый! – Петька Миронов ухватил половчее лом, всунул его в дужку замка и резко крутанул. Петля, в которую был вдет замок, жалобно крикнула, уступая напору плечистого, похожего на русского богатыря Петьки, и с лёгким звоном отщёлкнулась от стены.

Дворник сунулся было в приоткрывшуюся дверь, но оперативники ловко оттеснили его от клетушки, и, переглянувшись, аккуратно открыли дверь.

От лампы по стенам кладовой заматались огромные тени. Банки с вареньем засветились потусторонним бордовым цветом.

«Наверняка вишнёвое», – мысль была мимолётная, но почему-то Денису до боли в желудке захотелось варенья, и непременно – вишнёвого, прохладного и терпкого на языке, как бабушка варила когда-то давным-давно...

И почти сразу он увидел маленькую фигурку, раскинувшуюся на пыльном полу из неструганных досок. Вокруг головы снежным ореолом рассыпались тонкие невесомые волосы и растекалось тёмное глянцевое пятно, отливающее в свете фонаря красным.

«Она ударилась головой об полку, и банка с вареньем разбилась...» – вот это была совсем глупая мысль: слишком уж ярким для вишневого варения было пятно. Денис прекрасно знал, как выглядит кровь. И варенье не парит в холодном воздухе кладовой.

Хотя дворник прибеднялся – кладовка было явно не клетушкой, а довольно просторным помещением с трёхъярусными полками, на которых стояло не только варенье. Денис автоматически отметил банки с огурцами и помидорами.

Мимо него попытался протиснуться сын дворника, но Денис отпихнул его себе за спину и шагнул к распростёртой на полу девушке. Быстро тронул за шею, сжал в ладонях тонкие тёплые пальцы.

– Она жива, – голос Дениса был спокоен и деловит, – вызывайте «неотложку».

Не обращая внимания на липкую тёплую кровь, Денис ощупал голову девушки, обнаружил на затылке рану и приказал громко сопящему дворнику:

– Свети сюда!

Рана оказалась неглубокой, а у запасливого Валентина нашёлся пакет с марлевой повязкой. Денис перебинтовал голову девушки и заботливо накрыл худенькое тело шинелью. Всё-таки в кладовой было холодно. И ещё – темно, а осмотреть место преступления следовало сейчас, пока его не затоптали.

И тут краем глаза Денис заметил нечто, чего тут быть было не должно. Он не сразу понял, что за непонятная и неуместная мелочь торчит из-под наличника двери. Решил даже, что это яркий фантик от конфеты. Хотя откуда бы ему тут взяться?

Денис быстро выхватил у дворника фонарь, осветил в сторону двери и сделал охотничью стойку. За шершавый наличник зацепился клочок цветных перепутанных нитей. Каких-то очень знакомых нитей.

При ближайшем рассмотрении спутанный клок оказался кисточкой от шали. И Денис такую шаль сегодня уже видел, буквально десять минут назад....

Он аккуратно подцепил находку кончиками пальцев и опустил в бумажный конверт. Так его учил делать Петрович... Это называется – улика. И очень весомая улика.

«Неотложка» прибыла быстро. Медики с трудом вытащили носилки по крутой приставной лесенке, ведущей из кладовой в общий коридор. А Денис принялся тщательно изучать помещение. Правда, ничего интересного он так больше и не нашёл. И почему-то его не покидала чувство какой-то неправильности. Что-то было тут не так. А вот что?..

Своей интуиции Денис привык доверять. Раз чуйка горит: что-то неправильно, значит, тут действительно что-то неправильно... Но ещё Денис знал: чуйку нельзя торопить. Мысль должна вызреть, сформироваться в его голове, а потом она сама пробьёт себе дорогу, вылупится. Как птенец из яйца.

А пока следовало заняться рутинными делами. Осмотр, опрос, протокол.

Пока он осматривал кладовую, Игнат, Пётр и Валентин успели опросить практически всех жителей дома.

Встретились они через два часа в квартире Бурхановых. Денис заметил: Мусенька уже перестала улыбаться, нервно кусала губы, с которых слезла часть яркой помады, и вообще, выглядела сейчас Бурханова Мария Фёдоровна не просто усталой, а какой-то облезлой. И ещё она сменила шаль.

Антон Павлович, выглядевший не многим лучше супруги, устало тёр воспалённые красные веки и нервно хрустел пальцами.

– Господа, – Антон Павлович тут же смешался и побледнел ещё больше, – товарищи следователи... Мы очень устали, у нас такое несчастье. На Лизоньку напали... Сашенька пропал... Да вы и сами всё знаете. Мы очень устали. И вы тоже. Не думаю, что разговор принесёт хоть какие-то разумные или нужные плоды. Я считаю, его стоит перенести на завтра. Мы с Мусенькой... с Марией Фёдоровной завтра с утра прибудем к вам в контору...

Денис не слушал, что бормотал там Бурханов. Он – размышлял.

– Ожаров, – Игнат уже забыл свои шуточки и был деловит и собран, он тронул Дениса за плечо и молча кивнул на выход из комнаты.

Стало понятно – ребята что-то нашли.

Денис поднялся со стула, мельком глянул на часы: время подбиралось к полуночи; он беспардонно перебил Антона Павловича:

– Прошу меня извинить, мне нужно переговорить с товарищами.

Антон Павлович, прерванный на середине фразы, обескуражено замолчал, провожая Дениса удивлённым взглядом.

Денис с Игнатом спустились на один этаж и вошли в квартиру, на двери которой косо весела латунная цифра «три».

Тут уже топтались Павел и Валентин, возбуждённо переглядываясь друг с другом. Увидев вошедшего Дениса, они сделали движение навстречу к нему, словно собираясь что-то сказать, но снова разом глянули друг на друга и промолчали, явно с трудом сдерживая рвущуюся наружу новость.

Игнат почти радостно подпихнул к Денису невысокого мужичка в накинутом на плечи старом пиджаке, из-под которого выглядывала застиранная нательная рубашка:

– Вот, Ожаров, послушай, что гражданин рассказывает.

Мужичок нервно дёрнул плечом, облизал губы и покосился на Игната. Тот одобрительно кивнул, негромко ободрив свидетеля:

– Это товарищ Ожаров. Расскажи ему то, что мне говорил.

– Так это... – мужичок явно побаивался Дениса; тот уже привык, что несмотря на его молодость, или, может, в какой-то степени именно благодаря ей (молодой да ранний, ни страха,

ни совести не знает), определённый контингент граждан его опасался и старался обойти стороной.

– Ну, – нетерпеливо понукнул мужичонку Валентин, самый порывистый из группы, – не тяни корову за вымя!

– Так это, – мужичонка собрался с духом и зачастил: – видел я, как Лизка бурхановская с мальчишкой ихним домой ворочались. Около полудня. А потом видел, как Маруська, баба докторская, в подвал мешок тащила по чёрной лестнице...

– Давно? – Денис внимательно смотрел на свидетеля.

Мужичонка задумался:

– Ну, как Лизка с мальчонкой вернулись, так часа через два... Может, меньше...

Он посмотрел на хмурого милиционера, сердито поджавшего губы, и испуганно затараторил, оправдываясь сам толком не понимая в чём:

– Я-то чего не пошёл ей помогать-то... Маруська – баба справная. Коня на скаку остановит, десятерых мужиков в постель завалит... Чего к ней лезть? Она завсегда сама и картоху таскает, и помои вытаскивает.

Мужичонка скабрёзно ухмыльнулся, а Денис подумал, что просвещение всё глубже проникает в слои общества и ещё не известно – так ли это хорошо.

– А супруг ей что, никогда не помогает?

– Не.... Да и не было его дома. За ним часов в десять автомобиль приехал, – слово «автомобиль» мужичонка произнёс старательно и с видимым почтением: было видно, что чудо техники для него атрибут власти и не доступной для него высокой жизни.

А Денис про себя отметил, что Бурхановы про отлучку хозяина не упомянули. Не сочли важным? Или по другой причине?

Денис задумчиво потёр переносицу, отгоняя сон, и потянулся в карман за папиросами. Курить он начал не очень давно, обычно папиросы доставал только тогда, когда надо было обдумать сложный вопрос и принять необходимое и срочное решение.

– Игнат, запротоколируй показания. Валентин, найди телефон и позвони в больницу, узнай, что с потерпевшей. Нам надо знать, когда можно будет её допросить. Мальчик-то ещё не найден. Пётр, ты – со мной к Бурхановым.

Пока он поднимался на этаж к квартире доктора, решение было принято. Хотя какой-то маленький червячок до сих пор шебаршился у него в груди. По-прежнему он чувствовал какую-то неправильность во всём происходящем.

Пётр шагал рядом с Денисом и радостно рассуждал:

– Вот как ловко-то всё выходит! За один день преступление раскрыли. Про мальчишку нам сама эта Мусенька-Марусенька всё выложит. Только прижать её покрепче. Глядишь, и спасибо от начальства дождёмся. Может, и не только спасибо...

Возле самой квартиры Денис остановился и в упор посмотрел на Петра:

– Говорить буду я. Ты помолчи немного...

Как только оперативники вошли в комнату, супруги Бурханова испуганно обернулись, у обоих были растерянные и сердитые лица. Кажется, они о чём-то только что спорили.

– Мария Фёдоровна, не могли бы вы показать свою шаль, ту, в которой были, когда к вам прибыла опергруппа?

Мусенька пожалала плечами и высокомерно вскинула брови:

– Я не знаю, о чём вы говорите, но я была в этой самой шали!

Но не успел Денис даже и рот раскрыть, как заговорил Антон Павлович:

– Ну как же... Мусенька? Я определённо помню – ты была в той шали, что я привёз Зиночке из Калькутты перед самым пере... перед самой Октябрьской революцией!

Антон Павлович скосил на Дениса глаза: не заметил ли тот неосторожной оговорки? Но Дениса по-прежнему не волновали мелкобуржуазные высказывания доктора. Не ОГПУ он в конце-то концов.

– Итак, где ваша шаль?

Мусенька тяжело вздохнула, покосилась на мужа и вдруг вскинула голову и ожгла присутствующих сердитым взглядом.

– А я не знаю, где моя шаль! – звонко выкрикнула она. – Ходят и ходят тут всякие! А шаль – пропала. Вот как вы побежали в подвал, так она и пропала! Я скинула её на кресло, пошла на кухню за стаканом воды, вернулась, а её и нет!

Мусенька замолчала так же резко, как и начала выкрикивать свои обвинения неизвестно в чей адрес.

В комнате повисло молчание. На стене громко тикали часы. Пётр негромко кашлянул, и от этого звука словно со всех спало оцепенение.

Денис кивнул, словно соглашаясь с доводами Мусеньки, и негромко произнёс будничным тоном:

– Гражданка Бурханова, собирайтесь, вы поедете с нами.

Антон Павлович взвился из своего кресла:

– Да как вы можете! У нас дочь в больнице! У нас сын пропал! А вы! Я буду жаловаться!

Денис снова кивнул, словно и не ожидал ничего другого:

– Ваше право. У нас есть к Марии Фёдоровне вопросы, и нам их удобнее будет задавать в отделении.

В комнату скользнул Валентин, приблизился к Денису и, наклонившись к самому уху, прошелестел:

– Девчонка в себя пришла. Доктора говорят – с ней можно поговорить. Поедешь?

Денис снова посмотрел на часы. Шёл третий час ночи. Нехорошо беспокоить потерпевшую в такое время. Она, наверное, уже и спит... Но пропал мальчик. Где он – неизвестно. А если он тоже сидит в каком-нибудь подвале? Раненый или просто – испуганный? Не может выйти или боится?

Он замёрзнет до утра, и это будет на совести Дениса. Нет, надо ехать сейчас. Раз врачи разрешают поговорить.

Решение пришло само собой.

– Я с Валентином в больницу. Пётр, звонишь в отделение, чтобы за вами машину прислали дежурную. Забираешь Игната и гражданку Бурханову и едете в отделение. Я после с ней побеседую.

Денис с Валентином вышли на улицу, ночной воздух после душного и пропахшего миазмами подъезда казался восхитительно вкусным. Так же вкусно хрустел под сапогами тонкий ледок на прихваченных морозом лужицах. Россыпь звёзд тихонько звенела в высоком чернильном небе.

А за спиной скалился беззубым ртом подъезда мрачный доходный дом. Почему-то Денису стало совсем не по себе. Казалось, что спину сверлит чей-то недобрый и пристальный взгляд. Он быстро обернулся, но окна дома были черны, только на третьем этаже, в квартире доктора Бурханова горел свет. Дом спал, никто не следил за оперативниками.

Денис плотнее запахнул шинель и зашагал к мерно урчащему «форду».

Глава 3

Денис открыл дверь в больничную палату и замер в нерешительности. Всё-таки приходиться в три часа ночи к раненому человеку – неправильно. Ведь она уже спит наверняка. После такой потери крови люди испытывают слабость, им надо много спать.

Конечно, следовало сначала с врачом поговорить, прежде чем сразу к девушке тащиться. Но Денис элементарно не успел. Хирурга вызвали на очередную срочную операцию. Привезли парня с ножевым ранением. Возвращался после смены домой и нарвался на гоп-стоп.

Да, сейчас в Н-ске было беспокойно. После Гражданской войны прошло слишком мало времени, и всякая погань, привыкшая жить вольготно в смутное лихолетье, не хотела уступать своих позиций молодой советской милиции.

Ну, ничего. Денис сжал кулак. Скоро всех их прижмёт. Или научатся исполнять законы, или всех – по законам военного времени – к стенке. Жалеть всякое отребье, мешающей жить первой в мире народной республике – это не по-большевистски.

– Кто здесь? – тихий нежный голос прошелестел в полумраке палаты.

Денис смущённо кашлянул и боком протиснулся в палату, почему-то не решаясь открыть дверь полностью. Он щёлкнул выключателем на стене и обернулся к зажмурившейся девушке.

– Здравствуйте, Елизавета Антоновна. Я агент уголовного розыска, мне необходимо переговорить с вами о том, что произошло... – чтобы скрыть неловкость, Денис заговорил сухим казённым языком, избегая смотреть на девушку.

Заметил только перебинтованную голову и светлые пушистые прядки, торчащие из-под повязки.

– Здравствуйте, а вас как зовут? – Денис удивлённо вскинул голову: ему явственно послышалась лёгкая улыбка в голосе Лизы.

Посмотрел в лицо девушки и наткнулся на ясный взгляд настолько светлых серо-голубых глаз, что они казались прозрачными. Никогда Денис ещё не встречал у людей таких удивительных глаз. И ресницы, рыжеватые, но очень длинные и пушистые, как крылья бабочек.

Почему-то он окончательно смутился. Вот от хохота и солёных шуточек воровских марух не смущался, а тут... Денис рассердился, почувствовав, как к щекам прилила жаркая волна.

«Ну вот, ещё и покраснел как гимназист», – Денис от досады на самого себя даже зубами скрипнул.

– Денис Савельевич, – Денис собрал всю свою волю в кулак, но от официальности собственных слов смутился ещё больше и запоздало спросил, – Как вы себя чувствуете? Вы можете говорить?

– Немного болит голова, Денис Савельевич, – теперь Денис был уверен на все сто процентов, что девушка улыбалась, – и слабость очень сильная. Но говорить я могу, если это надо нашей милиции. Да вы садитесь.

Денис решил не обращать внимание на мелочи. Присел на крашенный белым табурет, достал из планшета чистый лист бумаги и химический карандаш, приспособил планшет с листом на коленях и строго посмотрел на Лизу:

– Итак, что вы можете рассказать о вчерашнем дне? Вы помните, где были, когда вернулись домой и что с вами произошло?

Лиза нахмурила светлые брови:

– Я помню только, как мы пошли с Сашей гулять. Сразу после завтрака. Сходили в парк, солнце пригревало совсем по-весеннему. Деревья были такие красивые... Мы пришли на наше привычное место, я дала Саше мешочек с сушёными ягодами, чтобы он покормил птиц. Гордей летом засушил, это сын нашего дворника... Смородину и рябину. Знаете, – девушка вдруг

оживилась, – в парке много птиц, даже клёсты прилетают из леса. И свистели. Такие забавные! Саше они очень нравятся...

Она замолчала ненадолго и потом продолжила:

– Вы извините, я говорю глупости... Так вот, из парка мы хотели пойти к Катарине Матеушовне – это наша бывшая гувернантка, а теперь она с Сашенькой занимается. – Лиза посмотрела на Дениса и пояснила: – Саша не ходит в школу, так решил папа. С ним занимаемся я и Катарина Матеушовна.

Денис хотел было спросить: почему Саша не ходит в школу, но не стал перебивать девушку. Пусть рассказывает дальше.

– Но Саша расшалился, стал делать снежки и кидаться ими в меня. Мы немного поиграли, а потом выяснилось, что у нас промокли варежки. И мы пошли домой. – Лиза снова нахмурилась и замолчала.

Она молчала довольно долго, Денису даже показалось – несколько минут, и он не выдержал:

– А что было дальше? Вы помните?

Лиза качнула головой и поморщилась, наверное – это движение причинило ей боль.

– Не помню... Так странно, но я не помню! Мы дошли до дома, я потянула на себя дверь... И всё! – Лиза беспомощно посмотрела на Дениса: – Вы спрашивали Сашу? Что говорит он?

Денис немного помялся, не зная, как лучше поступить, а потом решил. Лиза сейчас в относительной безопасности, даже чувствует себя довольно неплохо, а вот мальчик – неизвестно где. И, возможно, нуждается в помощи.

Он кашлянул, чтобы скрыть неловкость, и твёрдо глянул в прозрачные глаза:

– Мы не знаем, где Саша. Я рассчитывал, что вы проясните этот вопрос.

Лиза посмотрела на Дениса враз потемневшими от внезапно расширившихся зрачков глазами и сделала движение, словно хотела сесть, но Денис автоматически удержал её на подушке, схватив за плечо. Девушка дёрнулась от боли и тихонько застонала.

– Как – не знаете?! – Лиза больше не улыбалась, в глазах плескался страх, почти ужас. – Но... Сейчас уже совсем поздно... Вы сказали: вчерашний день... Значит, он пропал вчера?! Вы его ищите? Вы его найдёте?!

Денис отвёл глаза: успокоить девушку ему было нечем.

– Вы не предполагаете, куда он мог пойти, если его нет дома? К вашей гувернантке? – Денис не решил вслух повторять заковыристое имя – вдруг ошибётся, вот стыд-то будет. – У него есть друзья?

– К Катарине Матеушовне – мог. Только зачем? Почему не домой? – Лиза с сомнением глядела на Дениса. – А друзей у него нет совсем. Только я и Гордей. Папа не разрешал ему водиться с мальчишками из нашего дома. Да и из других – тоже.

Денис удивлённо поглядел на Лизу: десятилетний мальчик дружит с взрослым парнем? Или тот действительно обхаживал Лизу и поэтому терпел мальчишку? Странно. Надо бы узнать про этого Гордея поподробнее.

– Гордей дружил с Сашей? – Денис внимательно посмотрел Лизе в глаза.

Та кивнула:

– Я учила Гордея читать и писать. Он хороший человек, помогал нам по хозяйству. И он играл с Сашей. Кажется, им было интересно вместе.

Они немного помолчали, и вдруг Лиза схватила Дениса за руку и с жаром воскликнула:

– Спросите Гордея! Он должен знать, где Саша!

Денис непроизвольно дёрнулся, пытаясь высвободить ладонь из тонких холодных пальцев. Да, в палате было не жарко. Сейчас везде топили с экономией, особенно в государственных учреждениях: с топливом были перебои.

– Спросим, – буркнул Денис, неловко поднимаясь с табурета, – отдыхайте. Вам надо набираться сил.

Выйдя из палаты, Денис постоял в нерешительности, а потом двинулся на сестринский пост.

На столе, покрытым белой чистой пелёнкой, стоял чёрный аппарат телефона; рядом сидели две женщины в белых халатах и косынках. Одной было примерно лет тридцать, а другая по виду – ровесница Дениса. Они насторожённо и строго посмотрели на подошедшего Ожарова.

– Я могу поговорить с хирургом, который оперировал Елизавету Бурханову? – Денис понял, что не поздоровался, и снова смутился: что-то с ним сегодня не то творится. Устал, что ли?

Он поспешно добавил:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответила ему та, что постарше, но смотрели они на Дениса с одинаковым неодобрением. – Степан Григорьевич только что прилёг отдохнуть. Он двенадцать часов на ногах и все двенадцать – в операционной.

Денис подумал и кивнул:

– Я не буду его беспокоить, но передайте ему, пожалуйста, чтобы он перезвонил в Центральное отделение Уголовного розыска, агенту Ожарову. Мне необходимо с ним переговорить.

Лица у женщин расслабились, и они посмотрели на Дениса гораздо дружелюбнее, даже почти с теплотой.

– Передадим, – отвечала ему всё та же медсестра.

Денис кивнул и направился к выходу.

На него вдруг навалилась усталость. Он вспомнил, что и он тоже уже больше двенадцати часов на ногах. Пусть и не в операционной их провёл, но тоже не бумажки перебирал.

Валентин Лоскутов ждал его в приёмном покое.

– Так, вот тебе адрес их гувернантки, – Денис протянул Валентину листок бумаги, – поезжай туда. Выясни всё про мальчика. Был ли он сегодня у неё. Спроси, может, она знает – куда он мог пойти. Только по дороге забросьте меня в отделение.

Валентин покачал головой:

– Время-то – пять утра. Поднимать женщину в такое время....

Денис жёстко посмотрел на него:

– Надо искать мальчика.

– Искать – надо. Я съезжу. Только вот какое дело, – Валентин укоризненно покачал головой, – если ты свалишься как загнанная лошадь – никому легче не станет. И мальчику – в том числе.

Денис с силой провёл ладонью по лицу и вздохнул:

– Да, ты прав... Но съезди к гувернантке. А я... А я, пожалуй, вернусь к Бурхановым. Поговорю с сыном дворника, возможно, он чего-то сможет рассказать. С Мусей, – Денис усмехнулся, – с Марией Бурхановой я потом побеседую. Пусть посидит немного в камере. Подумает.

Валентин кивнул:

– Вот это дело. А с подозреваемой и следователь поговорит, пока ты спишь. Нечего ей расслабляться.

– Тоже верно, – Денис с трудом подавил зевок, – только бы следователь толковый попался.

– Лучше всего – Варезкин. А не Михайлов или Степанов.

– Это как повезёт, – философски заметил Валентин.

К дому в Костоправном «форд» подъехал в половине шестого утра. Небо уже посерело, а на востоке занялась тонкая полоска рассвета. Во многих окнах уже горел свет: люди собирались на работу, и дворник скрёб дорожки широкой деревянной лопатой.

Появлению милиционера он не обрадовался, хмуро глянул из-под кустистых бровей, но всё-таки довольно любезно оскалился.

– Забыли чего, товарищ начальник милиции?

– С сыном твоим хотел поговорить, Гордеем. Он же дружит с Лизой и Сашей? – Денис достал пачку папирос, в этот раз не для того, чтобы подумать – хотелось в это промозглое утро, когда морозец пробирает до костей, хоть об крохотный огонёк папиросы погреться – всё веселее будет.

Он протянул пачку дворнику. Тот помялся, но неловко потянул папиросину из мятой пачки и стал смотреть на Дениса намного благожелательнее.

– Скажешь тоже – дружит... – дворник выпустил струйку дыма и шмыгнул носом. – Какая-токая дружба может быть с пацаном почти на десяток лет младше, да барышней из тилигенции? Так... Ходил к ним. Барышня грамоте учила. Ну, и с мальчонкой возился иногда... Я-то не очень тому рад был. Ни к чему это. Только голову всякой ерундой себе забивать.

Денис внимательно слушал, попыхивая папиросой. Если человек начал что-то рассказывать – тут лучше помалкивать да на ус мотать.

– Думал в деревню его отправить... Да прицепился Гордей к этой девчонке. Как присушила она его. А ведь – толку нету. Не отдаст её дохтур за моего парня. – Дворник замолчал, сокрушённо качая головой.

Денис выждал немного и аккуратно спросил:

– А что ему в деревне-то делать? С такой-то рукой? В городе проще к какой профессии его приспособить.

Дворник усмехнулся и горделиво глянул на Дениса.

– Ты не смотри, товарищ начальник, что парень у меня увечный. Он жуть какой ловкий. Он и с одной рукой управляется не хуже, чем некоторые с двумя. Он года два назад у меня в Пяткино жил, у брата мово, значит. Так тот его кузнечному делу обучил. Сказал, ежели что, возьму, Сидор – это меня Сидором кличут – возьму, говорит, Гордейку в кузню. А кузнец – никогда без куска хлеба не останется. Да и девку он бы там себе нашёл подходящую... Парень-то он у меня видный! Любая бы пошла. А вот прилепился к этой Лизке... – дворник сокрушённо покачал головой.

Денис сочувственно покивал и спросил:

– Так он дома сейчас? Гордей-то?

– Дома, где ж ему ещё быть-то?

– А вчерашний день тоже дома был?

Сидор задумался:

– Вчерашний... Так с утра ушёл куда-то... Я и не видел его до того времени, пока девчонку эту, Лизку, в моей клетушке не нашли... Испоганила мне всю клетушку... Одна докука от неё!

Сидор сердито сплюнул на землю и яростно принялся скрести снег, что-то недовольное бурча себе под нос.

Денис потоптался немного, ожидая не вернётся ли Сидор к разговору, и взялся уже за ручку двери, когда тот обернулся:

– Гордей – дома. Заходи сразу, чего политесы разводить... Первая дверь налево – наша квартера будет. Прямо иди, можешь не стучать – не заперто.

Но Денис всё равно коротко постучал и открыл дверь. В тёмный коридор выглянула женщина в простом ситцевом платке и, выслушав Дениса, крикнула в глубину квартиры:

– Гордей! За тобой милиция пришла! Чего натворил-то, супостат?!

Денис хотел было возразить, но женщина уже скрылась за цветастой занавеской, а к Денису вышел Гордей, зыркнул исподлобья и молча встал напротив.

– Может, присядем где, поговорим?

Гордей так же молча повернулся и шагнул на крохотную кухню, плюхнулся на колченогую табуретку. Денис сел напротив него.

– Я знаю, ты дружил с Сашей и Лизой, – Денис внимательно смотрел на парня и, не дождавшись ответа, уточнил, – мне Лиза сказала.

Парень вскинул голову:

– Лиза?! Как она?

– Почти в порядке. Я ещё не говорил с врачом, но сама Лиза уже пришла в себя и даже улыбается. – Денис увидел, как лицо Гордея расслабилось, и на бледных губах мелькнула слабая улыбка.

– Она очень хорошая, – Гордей как будто убеждал Дениса в этом, словно Денис спорил или не соглашался.

– А Саша? Ты знаешь, куда он мог деться? – Денис не спускал с парня глаз.

Тот опять нахмурился и покачал головой:

– Меня дома не было. Уходил я.

– А где ты был? – Денису вдруг показалось, что узнать ответ на этот вопрос очень важно.

– На биржу ходил. Я там помогаю «ванькам», нужно деньги зарабатывать, – и Гордей с непонятным вызовом глянул на Дениса.

– Понятно... – Денис сам не знал, чего ожидал услышать, но был почему-то разочарован. – Друзей Саши не знаешь? Куда он пойти мог?

– Да нет у него друзей, – Гордей пожал плечами, – за Лизонькой как хвост таскается постоянно. Как не мальчишка словно. Тютя.

Гордей о брате Лизы был явно не лучшего мнения, но это ни о чём не говорило.

В общем, ничего нового ему Гордей не сообщил.

И Денис решил подняться к Бурхановым, раз уж всё равно здесь.

Открыл ему Антон Павлович. Выглядел он сегодня совсем не важным образом: помятый, с красными глазами, с седой щетиной на щеках.

Он молча смотрел на Дениса несколько секунд, потом посторонился, пропуская в комнату.

– Что с Лизой? – Антон Павлович бухнулся в кресло и устало потёр виски. – Она жива? Денис кивнул:

– Она жива и уже пришла в себя.

Антон Павлович как-то вяло кивнул, думая о чём-то своём.

Денис покачал головой: у него сын пропал, а он сидит тут как приклеенный.

– Вам надо пойти в отделение и написать заявление о пропаже человека.

Антон Павлович удивлённо вскинул голову:

– Пропаже? Но вы же сами Мусеньку увели... Или она пропала?

Несколько секунд они непонимающе смотрели друг на друга.

Наконец до Дениса дошло, о чём, вернее, о ком говорит Антон Павлович:

– А при чём тут Мусенька... Хм.. Мария Фёдоровна... Гражданка Бурханова? Я говорю о вашем сыне Александре.

– А... Сашенька... – Антон Павлович равнодушно махнул рукой, – наверняка он у гувернантки.

Денис не просто удивился, он – впал в ступор.

– Вы ей звонили? Почему тогда не сообщили нам? – Денис подумал, что не был в отделении вот уже скоро двенадцать часов и, возможно, просто не знает последних новостей.

Антон Павлович не менее удивлённо вытаращился на Дениса:

– Нет... А зачем? Он точно там. Но можно позвонить... У Катарины есть телефон.

– Звоните, немедленно! – Денису нестерпимо захотелось треснуть этого доктора. Желательно чем-нибудь тяжёлым. Желательно – по голове.

Антон Павлович недоуменно посмотрел на него, пожал плечами и пошёл в прихожую, где стоял телефонный аппарат.

Через минуту он вернулся ошарашенный и испуганный:

– Саша у Катарины нет... Там только что был ваш сотрудник, и она уже знает, что Саша пропал.

Антон Павлович растерянно огляделся по сторонам, как будто только что проснулся, и опустился всё в то же кресло.

– Она накричала на меня, – в голосе доктора слышалась какая-то детская обида, – но куда же он мог тогда деться?!

Антон Павлович с надеждой посмотрел на Дениса, словно тот знал ответы на все вопросы.

Денис тяжело вздохнул: бывают же такие люди, совершенно беспомощные в обычной жизни. Антон Павлович может и не был бессердечным человеком. Просто он совершенно оторван от реальности. Денису даже стало жалко его.

– Вам надо пойти в отделение и написать заявление о пропаже сына, – терпеливо и спокойно объяснил он Антон Павловичу. – Ещё бы хорошо собрать какие-нибудь вещи для вашей супруги. Можно – продукты.

– Мусеньке? – Антон Павлович вскочил с кресла и подбежал к Денису. – Товарищ...

– Ожаров, – подсказал Денис.

– Товарищ Ожаров! Помогите, пожалуйста! Я не знаю, что можно, что нужно, чего нельзя. И куда идти с заявлением?..

Денис тяжело вздохнул: один бесконечный день плавно перетекал в другой. Ему даже уже не хотелось спать. На него напало какое-то вязкое отупение. Но это не освобождало Дениса от необходимости возвращаться на службу. Да и этому бестолковому чудаку надо помочь.

Глава 4

Следующие несколько часов слились для Дениса в какой-то серый вязкий поток.

Как он вернулся в отделение, толком Денис и не помнил. Он что-то говорил, объяснял, заполнял какие-то бумаги, что-то подписывал... А потом словно кто-то задёрнул плотную портьеру на его мозгу.

Денис даже не мог сказать: «А потом я резко провалился в сон», потому что он никуда не проваливался. Просто он шёл-шёл по коридору, а в следующий миг очнулся на кожаном диване.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.